

Агагельды
Алланазаров

ТЮЛЕНЬ

16+

Агагельды Алланазаров

Тюлень

«Автор»

2000

Алланазаров А.

Тюлень / А. Алланазаров — «Автор», 2000

В новую книгу известного туркменского писателя Агагельды Алланазарова вошли роман “Тюлень” и несколько новелл. Роман возвращает нас к теме Великой Отечественной войны. В центре повествования - судьбы главных героев - немецкой девушки Берты и советского офицера Балкана, их бескрайняя любовь. Произведениям Агагельды Алланазарова присущи искренность, самобытность, философское осмысление и национальный колорит. Подстрочный перевод Б. Оразкулиевой

© Алланазаров А., 2000

© Автор, 2000

Содержание

УММАН	6
БЕРТА	18
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Для подготовки обложки издания использована художественная работа автора.

“Небо скажет, земля скажет, скажет ветер”

Махтумкули

“И в любви как на войне всё возможно.”

Немецкая пословица

УММАН

Еще какие-то полгода назад для старого Балкана, уже довольно давно живущего на свете, мир казался достаточно светлым. У него был сложившийся быт, подспорьем к их со старухой ежемесячным пенсиям была рыба, которую он время от времени сетями вылавливал в море, да птица, которую добывал на охоте. Словом, жили они по-стариковски размеренно и однообразно.

Старый Балкан был из тех счастливичков, кто прошел всю войну 1941-1945 годов и остался цел и невредим, на своих плечах вынес все тяготы войны. Он был солдатом, дожившим до завоеванной с такими огромными потерями Великой Победы.

В те дни, когда советские войска наступали на Берлин – последнее прибежище фашистов, командир батальона капитан Балкан Чапаков был одним из туркменских воинов-танкистов парней, принимавших участие в тяжелых боях...

Старый Балкан был человеком сдержанным, терпеливым, он умел довольствоваться малым и быть благодарным судьбе; как правило, такие люди ни в чем не знают нужды, а если им чего-то и не хватает, они не относятся к этому так болезненно, как молодые.

И потом, когда у тебя есть старуха, которая еще в состоянии ухаживать за тобой, а ты уже далеко не молод, а вернее, даже стар, то и старость не кажется такой уж и плохой порой жизни. Старик довольно давно убедился в этом на собственном примере.

Если на то пошло, он уже давно уверовал в то, что вот так и будут они жить со старухой до конца дней в родовом гнезде, из которого один за другим выпорхнули и разлетелись в разные стороны их дети-птены. Судя по тогдашнему состоянию здоровья жены, своих собственных сил, старик сделал вывод, что до конца жизни времени еще предостаточно.

Но потом вдруг оказалось, что с приходом болезни рубеж жизни не таким уж и далеким становится.

В начале весны неожиданно заболела Умман мама, Балканова старуха (мама – бабушка детей по матери). Первые два дня она держалась обеими руками за грудь, говорила, что у нее там печет, а потом ей с каждым днем становилось все труднее заниматься привычными домашними делами, сходить куда-то.

Поначалу она связывала свою болезнь с сезонными простудами, с недомоганием, которое бывает при смене погоды и перепадах температур, верила, что болезнь отступит так же неожиданно, как и пришла, что пройдет неделя-другая, и она, как и прежде, вернется к своим обязанностям домашней хозяйки. Собственно, раньше так всегда и было.

Но на сей раз Умман мама ошиблась. Прошли неделя, десять дней, а потом и месяц, а она все не могла оправиться от болезни. И так, стало ясно, что нынешнее недомогание вызвано не какой-то там простудой и ничего общего не имеет с простой болезнью. Но даже и тогда Умман мама, чтобы не пугать мужа и не причинять ему лишнего беспокойства, поначалу, как могла, скрывала от него свое состояние, про себя же думала: “Эх, старый, похоже, за мной пришел-таки Азраил, который рано или поздно приходит ко всем. Но что же будет с тобой, когда я уйду, а ты останешься один в пустом доме, хорошо, если дети заберут тебя к себе...” Позже Умман маме стало тяжело выполнять даже самую простую домашнюю работу, которую она всегда делала с легкостью, походя. Тело перестало слушаться ее, а с некоторых пор она и вовсе слегла.

Как ни мужалась Умман мама, быть рядом с ней и не заметить ее страданий было невозможно. Несмотря на преклонный возраст, Умман мама хорошо сохранилась, была женщиной крепкой, в теле, ее немолодое лицо не было лишено женской красоты. Она была еще в состоянии совершать дальние поездки, бывать, где ей хочется. Но болезнь быстро взяла над ней

власть. Теперь и старый капитан понял, что его старуха не просто капризничает, как это бывает с женщинами иногда, что настигший ее недуг вступил в спор с жизнью и смертью.

Несмотря на то, что стоящий у самой кромки моря дом старика построен без малого лет двадцать, а то и тридцать назад, был он одним из лучших в округе. Этот дом ему поставил сын, чтобы иметь возможность каждое лето с женой и детьми приезжать к родителям на отдых. Окончив Губкинский нефтяной институт в Москве, он недолго работал по распределению в Тюмени, а потом его как специалиста пригласили на хорошую должность в Небитдаг. Помимо сына у старика и Умман мама было еще две дочери, старшая из дочерей в годы учебы в красноводском медучилище познакомилась с парнем и вышла за него замуж. Теперь и она уже стала пожилой женщиной, у нее были сыновья и дочери, внуки, а жила дочь рядом с родственниками мужа в Казанджике. Младшая из дочерей вышла замуж в соседнее село. Именно она то и дело навещала стариков, справлялась об их житье. Глядя на младшую дочь, старуха мечтала: “Эх, если бы и остальные жили поблизости, они бы тоже каждый день забегали к нам”. Она очень скучала по своим детям. Реже всех сюда приезжал их сын-нефтяник, был очень загружен работой и навещать родителей почаще у него не получалось. Когда становилось особенно тоскливо, старики сами ехали к сыну, чтобы повидаться с ним. Зато для внуков самым желанным был дом деда с бабушкой. В школьные годы они проводили здесь все каникулы, жили до тех пор, пока за ними не приезжали родители. Перед отъездом всегда крепко обнимали стариков и обещали приехать еще: “Мы обязательно приедем еще, дедушка, мы снова приедем, бабушка!”.

Время неумолимо движется вперед, и вот уже и внуки один за другим обзавелись семьями. Пару лет назад вышла замуж и девочка младшей дочери, которая с малых лет воспитывалась у стариков, после этого их дом и вовсе опустел, как пустеет берег моря зимой. Таков закон природы, с ним не поспоришь: птенцы вырастают и улетают из родного гнезда, а тем, кто их растил, воспитывал, не остается ничего иного, как желать своим отпрыскам здоровья и счастья, где бы они ни были.

С тех пор так вдвоем и коротали свой век старики, напоминая героев “Сказки о рыбаке и рыбке”.

Нежданно свалившаяся беда обозначила начало нелегкой, беспокойной и для Умман мама, и для старого капитана жизни. Для начала старик показал жену сельскому врачу, потом повез ее в город, тамошним врачам показал. Не желая беспокоить детей, всюду бегал сам, всюду возил ее на своей машине. Шутил, как и прежде: “Садись рядышком, жена, пусть все завидуют нам, считают нас молодоженами”, – шутил, вспоминая прошлые счастливые дни и пытаясь хоть немного поднять настроение больной жене.

Но как нельзя скрыть болезнь от врача, так не удалось ее скрыть и от детей. Однажды внук старика Аман, по делам оказавшийся в их краях, надумал первым делом провести деда с бабушкой. Но дверь дома была заперта. Решив, что старики могли быть у младшей дочери, он отправился к тетке в соседнее село. Узнав от нее, что бабушка вот уже больше недели лежит в городской больнице, поспешил туда.

Войдя в палату, Аман увидел свою еще больше состарившуюся, исхудавшую бабушку. Когда они обнимались, из глаз старой покатались слезы. Неожданному появлению внука бабка обрадовалась,

как ребенок, она словно защитника своего увидала.

На следующий день спешно приехали сын и невестка. Внимание детей и внуков радовало больную и вместе с тем пробуждало в ней желание поскорее встать на ноги и еще пожить среди своих родных. Через несколько дней в расчете на сильных врачей и скорое выздоровление внук Аман повез бабушку в Ашхабад.

А здесь ее взяли под свое покровительство муж, живущей в Ашхабаде внучки Сонад-жемал и его отец – известный в стране врач, профессор Рахманов. Бабка никогда не была в

Ашхабаде, но знала, что ее внучка училась здесь, а потом вышла замуж и осталась жить в столице. Сонаджемал не раз приглашала их к себе в гости, а Умман мама все мечтала навестить внучку и поздравить ее с новорожденной, порадовать девочку. Но вышло по поговорке: “Человек предполагает, а Бог располагает”.

Рахмановы поместили Умман маму вначале в одну больницу, а затем перевели в другую, усиленно лечили ее. Однажды утром, когда после проведенного курса лечения ей стало получше, Умман маме показалось, что она уже где-то видела молодого доктора, который то и дело подходил к ней и спрашивался о состоянии здоровья. “Хороший парень, где же я его видела? Может, это кто-то из друзей моих внуков?” – размышляла она. Когда он в очередной раз подошел к ней справиться о здоровье, Умман мама решилась спросить у него, откуда она его знает. Но молодой человек опередил ее:

– Ну, как дела, бабушка? – ласково спросил он.

– В эти дни я чувствую себя получше. И ночью спала хорошо.

– И мы так думаем. Теперь пойдете на поправку.

– Дай-то Бог.

– Я сейчас ухожу домой. Мое дежурство закончилось. Что вам принести из еды, может, вам чего-то хочется? – спросил юноша, и в эту минуту Умман мама поняла, что этот молодой человек не просто один из ее лечащих врачей, а муж ее внучки Сонаджемал.

– Ой, пустая моя голова! Ты ведь супруг моей Сонаджан, да, сынок? А я-то думала, что ты один из здешних врачей.

– Да, – смущенно улыбнулся молодой доктор.

– Мне ничего не надо, сынок. Скажи Соне, пусть не беспокоится! Вот только там мой старик должен быть, присмотрите за ним. Нечего ему тут болтаться, пусть он лучше едет домой. Если надумает поехать, вы, сынок, с Сонаджемал, непременно проводите его! Мне уже намного лучше...

Спустя какое-то время благодаря стараниям врачей и уходу родных у старой улучшился цвет лица, просветлел взгляд, стало ясно, что она пошла на поправку. Чувствуя, как с каждым днем к ней возвращаются силы, старая выписалась из больницы с желанием как можно скорее вернуться вместе со стариком домой, с верой, что со временем, когда из плоти ее выветрится запах принятых лекарств, наступит окончательное выздоровление.

После возвращения из ашхабадской больницы Умман мама в течение трех-четырех месяцев чувствовала себя неплохо. Она снова стала выходить из дому и по мере сил заниматься привычными домашними делами. Окружающим показалось, что состояние старой улучшается день ото дня, и они поверили, что она наконец-то выздоровела.

9 мая большинство родных Умман мама и старого Балкана собрались в их доме, чтобы поздравить с Днем Победы своего деда, ветерана войны. В этом доме было заведено встречать День Победы в тесном семейном кругу. Но поскольку семья увеличилась, то вот уже несколько лет с праздником Победы старого Балкана поздравляли не только сын и дочери, внуки и правнуки, но и зятя, по-сыновнему принятые в семью. Все получали от таких встреч огромное удовольствие, заряд бодрости. Гости съезжались отовсюду, Умман мама и старого Балкана окружали самые родные им люди. Дочери и невестки, внучки и внуки под радующие голоса детишек начинали дружно готовить угощение для праздничного стола.

Мужчины во главе с Эльханом, который ходил с перекинутым через плечо полотенцем, обычно готовили шашлык, до поздней ночи общались, гуляли у моря. Получались очень приятные прогулки.

Так было в праздник Победы и на этот раз. На следующий день после приезда старшего внука Амана с семьей прибыла и живущая в Казанджике старшая дочь с несколькими детьми, ее Умман мама про себя звала “моя дальняя дочка”. Ближе к обеду подъехали не очень-то ожидавшийся сын старика с женой, а также их живущая в Ашхабаде дочь с зятем-доктором,

они впервые привезли в дом предков свою малютку, чем очень обрадовали стариков. Вот вам и маленький той.

Бабушка Умман, сидевшая за праздничным столом в окружении внучат, одного гладила по голове, другого целовала в щечки, третьему, взяв его на руки, что-то ласково нашептывала. Сейчас она была похожа на клушку, приготовившуюся вместе со своим выводком клевать зерно.

Каждый раз, приезжая поздравить старого Балкана с Днем Победы, дети привозили подарки и Умман мама. Поздравляя с праздником деда, они вместе с ним поздравляли и бабушку. Старый Балкан, с улыбкой глядя на довольную подарками жену, шутливо произносил: “Эй, ребята, понятно, почему вы мне везете подарки. Я все-таки солдат Победы. Вот только непонятно мне, за что вы одариваете бабку свою? Спрашивается, где и с каким немцем она воевала?..” – подтрунивал он над своей старухой.

Когда старик отпускал такие шутки, на мгновение по лицу Умман мама пробежала легкая тень. Было ясно, что слова мужа смущают ее. Но она очень быстро брала себя в руки и отвечала улыбающемуся, довольному своей выходкой мужу в таком же тоне:

– Ой, да вы только посмотрите, что он такое говорит?! Тоже мне еще Героглы в железных латах. Вы-то вильнули хвостом да ушли отсюда, сказав, что на войну. А кто выносил все мучения здесь? Мы и выносили. Доверху набивали продовольствием суда и отправляли вам, одежду отсылали вам, если у кого-то было две кошмы, то одну отдавали на ваши нужды, а сами пахали тут до полусмерти, от голода пухли. А эта проклятая война все никак не кончалась... Если бы вы были такими смелыми, разве война шла бы так долго? Знаете, кто вы? Вы те, кто прятался по углам, ел то, что присылали из дому, да еще русской водкой головы дурманил, вот вы кто...

Произнося эти слова, Умман мама окидывала взглядом собравшихся и видела, что ее дети, невестки и зятья всем своим видом поддерживают ее.

Поначалу казалось, что болезнь навсегда отступила от Умман мама, однако это оказалось не так. К концу лета она стала все чаще кряхтеть и стонать от вновь появившихся болей, стало ясно, что болезнь снова вернулась к ней. Еще через считанные дни она и вовсе слегла, было видно, что она страдает, больная начала стремительно худеть. Делать нечего, дети, которые радовались исцелению матери, снова стали взывать к помощи врачей. Старик вновь вспомнил об Ашхабаде, внучке Сонаджемал и ее свекре враче Рахманове, подумал было ехать к ним, но, поразмыслив, не очень-то поверил, что тамошнее лечение может до конца победить болезнь жены.

Умман мама сейчас была похожа на тонущего, который ради спасения хватается за все, что попадает под руки, и даже за соломинку.

Некоторые из тех, кто приходил провести больную, советовали обратиться к целителям, имена которых были у них на слуху. Старик вплотную занялся этим вопросом. Посадив старую в свою машину, он объездил всю округу, посетил всех знахарей, которых ему рекомендовали как лучших целителей. Вернувшись домой, старательно исполнял все их рекомендации. Верно говорят, пока душа не отлетела, надежда еще остается... Как знать...

Прослышав, что в Джанге живет очень сильная целительница казашка, старик, разузнав ее адрес, повез к ней свою старуху. Осмотрев Умман маму, женщина упрекнула старика: “Ах ты, туркмен, вот про таких, как ты говорят: пока не ткнешь, не почувствует, ну где же вы были до сих пор, почему ты раньше не привез свою жену, вы ведь и живете-то совсем рядом, в двух шагах от меня... Когда мужчина стареет, у него вся надежда на жену, жена, конечно, и в молодости нужна, но в старости особенно. Надо заботиться о здоровье жены, вот умрет она и увидишь, тебе и жены не найдется, разве что на мне женишься!” – полушутя-полувозмущенно говорила она.

Женщина-табип тут же приготовила снадобье из нескольких трав и подсказала старику еще один способ лечения: надо выловить в море тюленя и пару раз накормить больную его

сырой печенью, пока она еще горячая, и в ней не застыла кровь. “Бог от каждой болезни дает человеку лекарство, а чтобы ему было легко его добыть, растит траву в тех краях, где он живет. Вот чего много вокруг вас? Воды много, есть море, а раз есть море, то в нем и тюлени водятся”, – напутствовала она напоследок.

Балкан не очень-то поверил в брошенные походя слова о лечении тюленьей печенью, но, чтобы потом в случае чего не раскаиваться, не жалеть о том, что не сделал всего, что должен был, ему пришлось согласиться со знахаркой.

После этого старик в течение нескольких дней обходил всех живущих на побережье рыбаков, расспрашивал, не попался ли ненароком кому-нибудь в рыбацкую сеть тюлень. Но где же те тюлени, которые бы так просто запутывались в сетях рыбаков? Всего лишь раз в одном из таких мест ему показали дохлого тюленя. А ему нужен живой тюлень, которого можно было бы вскрыть и тут же вынуть из него горячую печень. В итоге старик понял, что никто ему не поможет, придется ему самому отправиться за тюленем в море.

В один из таких дней, когда они, два старика, утром завтракали вместе, Умман мама с жалостью посмотрела на мужа, который из-за ее болезни вот уже сколько времени не сидел спокойно на месте, все где-то носился: “... Ты больше не старайся найти для меня лекарство, чему бывать, того не миновать... Вот уже шесть-семь месяцев ты не знаешь покоя, совсем вымотался. Ты лучше за собой посмотри, а я буду принимать снадобье, которое приготовила для меня знахарка – казашка, как знать, вдруг оно мне поможет”, – сказала она мужу.

Умман мама произнесла эти слова с такой нежностью, столько любви в них вложила, что старик был тронут. После этого желание вылечить свою жену, помочь ей стало у него навязчивой идеей. Глядя на море, он стал все чаще думать об усатых красавцах-тюленях, живущих где-то среди этих вод.

* * *

Когда старый Балкан подошел к берегу, где была причалена его еще накануне подготовленная лодка, вся округа находилась во власти предрассветной мглы. Еще не рассвело, но это уже было время перехода ночи ко дню, когда земля и небо сливаются воедино, напоминая заблудившихся юношу и девушку, спрятавшихся под покровом ночи в укромном местечке и стоящих, тесно прижавшись друг к другу. Мир делится на горы и моря, небо и землю, пустыню и долины только после того, как полностью рассветет и все вокруг окажется во власти света. Сейчас вокруг стояла тишина, с моря дул легкий утренний ветерок, доносивший запах соленой воды и предвещавший бурю в ближайшие дни, которая будет гонять с места на место громадные волны и все вокруг перевернет.

С того дня, как старик задумал выйти в открытое море, он время от времени тайком от жены приходил к своей лодке, потому что знал: заподозри она что-то такое, ни за что не согласится с его решением, будет упрекать: “Эй, старый, не забывай о годах своих, не сходи с ума, тебе ли в твои восемьдесят гоняться в море за тюленем!”.

Он потихоньку перетаскал в лодку все, что ему могло понадобиться во время плавания – весла, моторное масло, веревку и длинный шест с крюком на конце.

На поиски тюленя старик мог бы и раньше отправиться, но все надеялся, что кто-нибудь из тех, к кому он обратился за помощью, сообщив, что это надо для лечения больного, однажды придет к нему и скажет: “Вот, отец, этот тюлень запутался в моих сетях, я принес его вам, потому что вы сказали, что для больного это лекарство” или “Он грелся на солнышке на берегу, я незаметно подошел сзади, оглушил его и, не дав опомниться, прибрал к рукам...” Но тюленя, на которого он так рассчитывал, все не было и не было. А ведь это народ, который отдаст последнего верблюда, кормильца семьи, если он понадобится для спасения другого человека...

Рыбачья лодка, словно вступив в схватку с морем, плывет, разрезая носом встречные волны. Прикрепленный сзади, насквозь пропахший бензином мотор, сейчас был похож на вис-

лоухого охотничьего пса, радующегося выходу вместе с хозяином в море и готового при первом же выстреле броситься в воду, найти и притащить подстреленную птицу.

Старик греб веслами до тех пор, пока не ушел далеко от берега, поэтому сейчас его лодка была похожа не просто на обычный рыбацкий баркас, а на какую-то дивную птицу, которая, хлопая крыльями по воде, вдруг резко устремляется ввысь. Двигатель лодки работал ровно. С того дня, как надумал отправиться на поиски тюленя, старик тщательно несколько раз просмотрел его, заменил новыми деталями, которые могли подвести во время плавания, словом, привел свою лодку в боевую готовность, в то состояние, про которое рыбаки говорят, что при виде воды она рвется плыть по ней. Мотор был в полном порядке, просто старому Балкану не хотелось разрывать предутреннюю тишину ревом моторки, нарушать покой людей, а главное, он не хотел, чтобы шум мотора взволновал его больную жену.

Старик и раньше неплохо относился к спутнице своей жизни, но с тех пор, как она заболела, он стал ценить ее еще больше. Если кто-то один из двоих, проживших долгие годы вместе и вырастивших детей и внуков, вдруг заболевал, тревога охватывала спутника его жизни: “Если он (она) уйдет, я останусь совсем один (одна)...” В последнее время такие же болезненные мысли все чаще приходили в голову старого Балкана. Он не находил себе места, ему все время казалось, что должно случиться что-то непоправимое.

На днях он сказал жившей по соседству младшей дочери, которая несколько раз на дню прибегала проведать свою мать, что хочет отправиться на охоту, если, конечно, погода будет хорошей, дав ей тем самым понять, что кое-что задумал. “Ты присматривай за матерью, не оставляй ее одну!” – наказал он дочери.

Поэтому сейчас он подумал: “Скоро придет дочка и будет рядом с матерью до самого моего возвращения”. А на случай, если вдруг дочь по какой-то причине задержится, он перед самым выходом из дома приготовил все, что может понадобится жене, поставил рядом с ней еду и термос с ее любимым черным чаем. И все равно его не покидали тревожные мысли о жене, они, словно серогрудые чайки, бились в его голове, не давали успокоиться.

Отплыв от берега на приличное расстояние, старик включил двигатель, его лодка, словно ненароком разбуженный от сладкого сна в лесу кабан, взревела и начала выписывать круги по воде, раскачиваясь из стороны в сторону, а после, встрепенувшись, молнией рванула вперед и стала похожа на закусившего удила необъезженного жеребца. Некоторое время в воздухе висел знакомый запах бензина.

Еще пару дней назад море было похоже на недовольную своим избранником молодку, оно бурлило, пенилось и Бог знает что вытворяло. Бешеные волны, взмывая в небо и плюясь брызгами, готовы были поглотить любого, кто встретится на их пути.

Но то было в характере моря – время от времени вскипать белой пеной, особенно, когда в воздухе запахнет приближающейся осенью, но каждый раз, спустя дней пять-неделю после таких штормов, море успокаивается и снова превращается в бескрайний простор тишины и спокойствия. Сейчас именно такое время, море спокойно, настроение у него благостное. С его поверхности поднимается серовато-белесая дымка, она тонкими нитями вкручивается в небо.

Если внимательно осмотреться вокруг, можно увидеть, что море, словно пристыженное своим недавним хулиганским поведением, стоит притихшее, стыдливо опустив глаза и прикусив, как яшмак, свое зеленое покрывало.

Представший его глазам морской пейзаж старик сравнивал то с ковровым занавесом, которым в последнее время стало модно украшать двери домов и который придавал им своеобразную красоту, то с просторным покрывалом, под которым море скрывало свой таинственный мир.

На мгновение ему почудилось, что очень скоро из-за этого занавеса покажется Берта в длинной белой ночной рубаше с рассыпанными по плечам белокурыми локонами, его Берта, она появится оттуда, как из-за кулис. И это будет все еще та Берта, его несчастная Берта. Он

вспоминал ее каждый раз, когда выходил в открытое море и окидывал взглядом его бескрайние просторы...

* * *

К началу войны Балкан уже вышел из подросткового возраста, ему исполнилось семнадцать. К этому времени он уже почти три года жил в Красноводске у старшего брата и учился в техникуме на судового механика. Теперь уже недалеко то время, когда он начнет работать на одном из судов Красноводского морского порта. Он всегда с завистью смотрел на плывущие издалека огромные морские лайнеры. В мыслях он представлял себя всезнающим, суровым и гордым капитаном одного из таких судов. Да и старший брат, вспоминая их утонувшего во время шторма лет десять-двенадцать назад отца, мечтал о том, чтобы Балкан, как и их отец, стал морским капитаном. Брат внушал Балкану: “Если хочешь стать капитаном, надо вначале хорошо освоить технику, а уж потом будешь постепенно расти до капитана”. Он заботился о завтрашнем дне своего младшего брата.

Каждый раз, когда Балкан приезжал из города в родное село на острове, односельчане с восхищением и завистью смотрели на его одежду – бескозырку с надписью и двумя лентами сзади, морскую форму, из-под которой выглядывала полосатая тельняшка, она очень шла ему. И всякий раз, когда он маленьким капитаном приезжал на побывку, к нему домой, чтобы повидаться с ним и поздравить его мать с приездом сына, сказать ей несколько приятных слов, вместе с двумя-тремя подругами непременно приходила одноклассница Балкана по имени Умман. В последний раз он приезжал домой за неделю-дней за десять до начала работы помощником мастера на одном из судов в порту Красноводска, куда он был направлен по окончании техникума. На судне, время от времени доставлявшем из города товар для островного магазина, он и приехал поздно вечером в родное село.

Возле магазина стояла небольшая толпа мужчин и женщин, ребятишек. Местные жители всегда собирались возле магазина в ожидании интересного товара, не хотели отставать от других.

Поздоровавшись со взрослыми, Балкан, взвалив на плечи свой багаж, прошел было мимо, но в этот момент услышал приятный женский смех и остановился. Оглянувшись, он увидел двух своих одноклассниц, Айтувак и Умман. Стоя в сторонке, девушки делали вид, что наблюдают за тем, как идет разгрузка нового товара, на самом же деле весело и с удовольствием разглядывали его. В свою очередь и он радостно улыбнулся в ответ, давая понять, что узнал девушек.

– А, подруги, вы ли это?!

– Что, уехал на два дня и уже своих перестал узнавать? – первой проворковала Айтувак. Накручивая на палец кончик косы, она раскачивалась из стороны в сторону, словно желая выяснить, на твердом ли месте стоит и удержит ли ее земля.

– Ну, конечно, зачем ему нас узнавать, он ведь теперь городским парнем стал, – с упреком в голосе поддержала подругу Умман, всем своим видом давая понять, что и они тоже были бы непрочь стать горожанками.

Балкан не сразу нашелся, как реагировать на неожиданные нападки своих одноклассниц, что им ответить. Но про себя отметил, что со времени их последней встречи девушки заметно повзрослели и похорошели. Сквозь небольшой вырез ворота платьев он увидел округлившиеся груди девушек, они на глазах Балкана с каждым годом наливались соком и теперь подчеркивали красоту и стать девушек.

– Раз уж на то пошло, привез бы ты ее в аул, чтобы и мы могли посмотреть на нее!

Случайно встреченные одноклассницы разговаривали с Балканом так, словно он в чем-то провинился перед ними, в их улыбках таился упрек. Похоже, они пришли к магазину вовсе не за каким-то товаром, а просто так, чтобы показать себя, а заодно и на других посмотреть.

Они задавали ему вопросы и сами же на них отвечали, причем, говорили то, что им хотелось. “Эй, парень, когда надумаешь жениться, не забывай, что мы тоже есть!”

Балкан все еще стоял на том же месте, на котором остановился, увидев одноклассниц, с улыбкой выслушивал все их шутки-прибаутки, мысленно соглашаясь с ними. “Однако, ваши слова не лишены смысла...”, – говорил его вид.

– Вон сын Тувакмаммеда, тот, что с вечно засученными рукавами, будто к чему-то приготавлившийся, исполняя на свадьбах кушт-депди, поет:

– Друзья, а я женюсь на русской,

Лицо, глаза ее прекрасны!

Так вот, в конце концов напел – женился-таки на русской!

– Что ж, добился того, чего хотел.

По тону девушек было ясно, что они никоим образом не одобряют этот брак, чувствовалось, что каждая из них в душе рассчитывала на внимание женившегося юноши.

Айтувак была вправе возмущаться, были у нее на то причины. В ауле уже давно ходили разговоры о том, что Айтувак встречается с сыном Тувакмаммеда, что, как ни стараются они скрыть от посторонних глаз свои отношения, они уже давно стали достоянием гласности.

Обращаясь к Балкану как к своему однокласснику, она протянула руку и в шутку попросила:

– А ну, парень, если у тебя есть фотография невесты, и нам ее покажи, красива ли она?

– В следующий раз привезу.

Балкан и сам не знал, как у него вырвались эти слова.

И в этот раз, приехав домой, среди других пришедших поздравить его мать с приездом сына Балкану хотелось видеть и сверкающие глаза Умман, но она почему-то не пришла. Надежды парня не оправдались, у него даже настроение немного испортилось. Вечером, лежа в постели, он снова думал о ней: “Неужели она считает достаточной ту нашу случайную встречу? А может, у нее появились какие-то неотложные дела, все же она теперь деловой человек”.

Балкан слышал, что Умман вот уже несколько месяцев работает в сельсовете, делопроизводителем у своего дяди Гартагана, занимавшего пост председателя сельсовета. Он продолжил свой мысленный разговор: “А может, я что-то не то сказал и обидел ее?”. Балкан начал вспоминать подробности разговора, состоявшегося возле магазина. Мысленно перебирая каждое произнесенное слово, сейчас он был похож на молодую женщину, разложившую перед собой все свои наряды и не знающую, какой из них выбрать, чтобы быть еще красивее. В конце концов он нашел те слова, которые могли показаться Умман обидными.

– Если есть фотография, покажи и нам, красива ли она?

– В следующий раз привезу...

Балкан был уверен, что именно эти слова отвратили девушку от него.

Однако он и сам не мог понять, с чего вдруг разговор зашел о русской невесте, ведь он никакого повода для таких шуток не подавал.

Через пару дней после приезда Балкан привел в порядок оставшуюся от отца рыбацью сеть, кое-где закрепил ее, кое-что в ней подправил, после чего вышел в море. Бросив сеть, он вернулся на берег и встретил там одного из своих сверстников – Араза узына (узын – длинный, высокий). Привязав на берегу лодку, на которой только что вернулся с моря, он достал из нее весла, напоминающие крылья оципанной гигантской птицы, и стал связывать их веревкой, чтобы взять с собой домой.

– Приехал, капитан? – спросил Араз и хитро улыбнулся, о чем-то вспомнив при виде Балкана. Потом одноклассники постояли немного на берегу, поболтали. Беседуя с Балканом, Араз с завистью разглядывал полосатую матроску своего товарища, надетую набекрень бескозырку с двумя лентами сзади, и про себя отмечал, как тому идет эта форма.

Прощаясь, Араз узын снова, как и при встрече, многозначительно улыбнулся. Не выдержал, спросил: “Ну и когда же свадьба?”

Этот неожиданный вопрос застал Балкана врасплох, он не знал, откуда взялся этот слух.

– Что за свадьба?

– Ай, до моих ушей один слушок дошел. Говорят, “Капитан женится, там, где он учился, встречался с девушкой, и теперь они скоро сыграют свадьбу. Сейчас Балкан приехал, чтобы сообщить о своем решении матери”.

Вспоминая разговор с Аразом, Балкан сразу же понял, откуда у этого слуха растут ноги. Такое могла сказать только девушка, тайно влюбленная в Балкана и ревнующая его ко всем девчонкам на свете. В первую очередь, это могла быть Умман.

Видя, что брошенная в шутку фраза о русской невесте начала гулять по свету и обрастать подробностями, Балкан, размышляя над этим, никак не мог понять, почему это случилось, все время думал об этом.

Он еще ни разу не встречался с Умман наедине в укромном месте, ему не доводилось подставлять лицо под возбуждающе горячее девичье дыхание, но он мечтал о том, чтобы это когда-нибудь случилось.

Юноша давно понял, что Умман самолюбива. На этот раз, уехав из села, Балкан как-то особенно часто думал об Умман. Ему даже казалось, что из обычной одноклассницы девушка постепенно становится одним из самых близких ему людей.

Теперь, отправляясь домой, он думал о том, что там есть девушка по имени Умман, он намеревался улучшить удобный момент и дать ей понять, что она ему небезразлична. Он тешил себя этими мыслями, они согревали ему душу, поднимали настроение.

Как бы то ни было, до самого своего отъезда Балкан надеялся, что встретит Умман и спросит с нее за пушенный ею слух, а она, смущаясь, словно невестка, впервые переступившая порог дома свекрови, ответит: “Да что ты, парень, ничего такого нет...” и, волнуясь, посмотрит на него виновато, а потом попросит прощения за свое озорство. Но дни шли, а ему так и не довелось увидеться с Умман, и можно было подумать, что девушка, стыдясь своей шалости, прячется от Балкана, не показывается ему на глаза.

В день возвращения в город Балкан понял, что не сможет уехать, хотя бы на минуту не повидавшись с Умман.

Отправившись на пристань в сопровождении матери и гелнедже (жена брата отца или старшего брата), Балкан, как только они поравнялись со зданием сельсовета, подумал о том, что сейчас Умман находится там, на своем рабочем месте, и у него тут же созрело решение забежать туда и на ходу переговорить с девушкой. Он остановился, сунул в руки гелнедже свой вещмешок: “Вы тихонько идите, я просил в сельсовете одну справку, быстренько возьму ее, она нужна мне по месту работы”, – произнес он с видом человека, только что вспомнившего о своей нужде.

В помещении сельсовета находился Гартаган ага, он сидел за столом, выложив на край стола свою высокую мохнатую папаху, и что-то писал. Увидев неожиданно появившегося Балкана, он удивленно посмотрел на него, в его взгляде читался вопрос: “А ты что тут делаешь?”

– Эй, парень, ты ли это?

– Не узнаете меня, Гартаган ага?

– Знать-то я знаю и твоего... отца, и мать твою... Тебе справка нужна?

– Да, она...

Балкан даже не успел сообразить, как председатель сельсовета угадал его мысли, а тот, махнув рукой в сторону двери, продолжил:

– Если тебе нужна справка, что ж ты раньше не пришел, парень? Только что Умман еген (еген – племянница) дала мне на подпись справку, которую сама и написала, поставила печать

и побежала отсюда со словами: “Скоро отправление судна, а этот парень, похоже, забыл свою справку, я быстренько отнесу ее ему, пока корабль не ушел”. – Он велел Балкану поспешить.

Когда Балкан поспешно ушел от него, Гартаган ага, глядя ему вслед, произнес:

– Ну да, справка ему нужна! С тех пор, как племянница стала работать у меня, слишком у многих возникло желание получить справку... Дай-то Бог, чтобы все это добром кончилось...

Балкан не услышал последних слов Гартагана ага и не увидел, как тот, подкручивая усы, хитро улыбнулся.

Когда Балкан прибежал на пристань, пассажиры уже прощались с провожающими и с сумками в руках по очереди поднимались по трапу. Чтобы вручить ему справку, Умман стояла в сторонке среди провожающих, рядом с матерью и гелнедже Балкана.

А солнце уже пошло на закат, тем не менее, оно не спешило поскорее спрятаться, как это бывает зимой. Летом оно будет стоять на горизонте, словно дожидаясь кого-то, его красный шар похож на раскаленное жерло тамдыра. Зной не отпустит до тех пор, пока все вокруг не погрузится во тьму.

Когда взгляды Умман и Балкана встретились, они оба покраснели от волнения, и тотчас отвели глаза в сторону, чтобы кто-нибудь ненароком не догадался, какая буря бушует в их сердцах. Оба чувствовали себя неловко.

Естественно, Балкан догадался, что девушке, составившей непрошенную справку и под этим предлогом пришедшей проводить его, не так-то просто было решиться на это, он понял, что ею двигали какие-то чувства, желание увидеть дорогого ее сердцу юношу, и он был благодарен ей.

Все стало ясно. Своим поведением Умман сказала больше, чем могла бы высказать словами, она дала понять, что творится в ее душе.

Увидев, что все пассажиры загрузились и ждут только его одного, Балкан стал спешно прощаться с матерью и гелнедже, он также бросил прощальный взгляд на стоявшую рядом с ними Умман.

Балкан, взяв свой багаж, уже вступил на откидной трап, как вдруг раздался несколько озабоченный приятный голос Умман:

– Ой, Балкан, чуть не забыла! Я принесла тебе справку, которую ты просил!

Умман со справкой в руках, которую забыла отдать, пока стояла рядом, догнала его, и их взгляды встретились вновь.

Но сейчас взгляд Умман не был взглядом озорной девушки, которая будто спрашивала: “Ну как я тебя наказала за твои необдуманные слова?!”, – теперь эти глаза смотрели с какой-то особой нежностью и теплотой, в них было видно трепетное желание, они будто говорили, как расстроена девушка из-за предстоящей разлуки.

Как только корабль тронулся, в небо взмыла сидевшая неподалеку стайка серогрудых чаек, они летали над судном и о чем-то шумно ворковали на своем птичьем языке. Сейчас они были похожи на сельских ребятишек, забрасывающих камешками свадебный кортеж.

Стоя на палубе и подставив морскому ветру волосы, Балкан жадно всматривался туда, где осталось его село. И лишь когда оно скрылось за горизонтом, юноша вспомнил про справку, которую ему вдогонку принесла Умман и которую он все еще держал в руках.

В ней было всего несколько строк.

Справка

Дана Балкану Чапак оглы, 1924 года рождения. Сельсовет “Балыкчи” удостоверяет, что этот товарищ является жителем данного села.

Председатель сельсовета

“Балыкчи”

Г. Тувакмаммедов

Внизу стояли печать и дата выдачи справки.

12 июня 1941 года.

Вначале быстро пробежав принесенную Умман справку, удостоверяющую его личность, Балкан затем стал читать ее более внимательно. Всматриваясь в листок бумаги, он думал о том, какими находчивыми становятся девушки, когда хотят чего-то добиться. “Да, у этих девушек много уловок”, – с улыбкой подумал Балкан, испытывая в душе благодарность за то, что Умман, желая проводить его, придумала эту историю со справкой. Он тут же решил при первом же удобном случае приехать домой, встретиться с Умман, которая с каждым днем становилась ему ближе и дороже других девушек, поговорить с ней и поставить ее на место вымышленной русской девушки. Он представил, как похорошеет девушка при этих его словах. Вспомнив о том, что Умман является потомком рода знаменитой Ширван мама, по слухам, очень красивой женщины, Балкан с удовольствием представил, как она будет хороша в наряде невесты.

В селе “Балыкчи” проживала родня Умман по дяде, которая считалась потомками Ширван мама. Говорили, что, рождением своего имени она была обязана прошедшему в давние времена мощному тайфуну. Высокие, могучие волны поднимались из глубины вод, они со всех сторон охватили остров Огурчинский и готовы были оттащить его к берегу и с силой ударить о землю. Именно эти волны в тот раз пригнали и незнакомое судно. Собственно, от судна уже ничего не осталось, волны, бросая из стороны в сторону, превратили его в щепки. На Огурчинский попал лишь кусочек судна, скорее похожий на плот. Так вот, на этом плоту находились старик и девочка лет четырнадцати-пятнадцати. Огурчинцы взяли под свое покровительство потерпевших крушение, и те начали жить среди них, стали своими.

Эти люди тогда рассказали, что они родом из Ширвана, и что судно, на котором плыли, также приписано к Ширвану. После на этой девушке из Ширвана женился местный парень. И произвела она на свет несколько сыновей и дочерей, похожих и на нее, и на мужа.

Именно в ту пору возникла следующая присказка: “Если ты темненький, женись на светлой кожей девушке из племени дуеджи, а если у тебя кожа светлая, женись на смуглой ширванской девушке, вот тогда и сохранишь и красоту свою, и стать”.

Много воды утекло с тех пор, но облик красивой, статной женщины по имени Ширван мама продолжал жить в ее многочисленных потомках – внуках, правнуках, праправнуках...

Гартаган ага и мать Умман были правнуками одного из сыновей Ширван мамы. Поэтому имя Гартагана ага зачастую увязывали с именем его бабушки Ширван и называли его просто Ширван-сельсовет.

Красотой и статью Умман пошла в свою знаменитую прабабку Ширван маму.

* * *

Быстро вернуться назад в село у Балкана не получилось. Он только-только начал работать на рыболовецком сейнере, как вдруг неожиданно грянула война и потрясла весь мир. Пришлось рыболовецким судам переключиться на другую работу. Теперь они ходили в Астрахань, Казань, перевозили туда продовольствие, а оттуда везли в Красноводск размонтированное оборудование эвакуированных предприятий. Причем, теперь суда постоянно спешили. Не задерживаясь в местах доставки грузов, они быстренько разгружались, брали другие грузы и сразу же отправлялись в обратную дорогу. И хотя самих немцев не было видно, чувствовалось, как догоняют они отправленные им навстречу тяжелые советские войска. И теперь суда возвращались в Красноводск, везя в своих трюмах раненых бойцов. Страна, над которой нависла опасность, призывала на помощь своих сыновей и дочерей: “Вставай, страна огромная!”

Осенью 1942 года Балкан уже учился на краткосрочных курсах младших командиров танковых войск в уральском городе Миасс. Немцы отступили от Москвы, но окружными путями подбирались к Сталинграду. Довольные своими победами, в те дни немецкие солдаты адресовали сталинградским женщинам вдохновенные стихи:

Мы приедем, дамочки,
Подготовьте ямочки!

Танковый полк, в котором служил Балкан, был одним из воинских подразделений, готовых в эти дни сразиться с немцами в калмыцких степях. Но ему не довелось, как он сам о том мечтал, долго защищать Сталинград, город, имя которого в те дни звучало на многих языках мира. В первом же наступлении его танк попал под артиллерийский обстрел и был выведен из строя. Немцам потребовалась всего неделя, чтобы удержать, а затем вступить в бой и отбросить наступавшие советские войска. После этого, казалось, немцы не только до Волги дойдут, но и доберутся до кавказской нефти, до самого Каспия...

Когда пошел слух, что в Сталинграде взяты в плен немецкие генералы с войском численностью почти пятьдесят тысяч человек, Балкан находился в одном из военных госпиталей Омска, где ему извлекли из тела осколок снаряда.

Под Смоленском лейтенант Балкан, вернувшийся в свою часть после выписки из госпиталя, был назначен командиром танковой роты вместо недавно погибшего в бою командира. В эти дни советские танки, вытеснившие врага из Сталинграда, а перед этим с силой отбросившие его от Москвы и Ленинграда, ощутив теплое дыхание пока еще далекой победы, тиграми набрасывались на немцев, оттесняя их все дальше и дальше. Тогда же, наблюдая в подзорную трубу, как взбесившиеся советские танки давят немцев на улицах Смоленска, догоняют их и растаптывают, генерал Манштейн с грустью записал в своем дневнике: "Русские теперь не только научились воевать, но и после Сталинградской битвы – побеждать..."

Среди тех, кто в те дни, преследуя на своих танках фашистов, двигался на Запад, был и танкист – старший лейтенант Балкан.

БЕРТА

Весной 1945 года капитан Балкан вместе со своим танковым батальоном вел ожесточенные бои всего в 75-80 километрах от Берлина. Немцы сражались за каждую пядь земли, совсем как советские воины под Москвой и Сталинградом. Их игры давно закончились, не сегодня-завтра Гитлер сдастся и попросит пощады. Германия была похожа на огромного дракона, которому отрубили голову, поэтому те, кто сейчас вел последние бои, не зная, что дракон уже обезглавлен, напоминали отчаянно бьющихся за жизнь, из последних сил цепляющихся за нее людей. Воздух вокруг напоен пыльно-пороховым запахом, настоящим на благоухании еже-часно распускающихся цветов. Берлин был похож на загнанного в угол зверя, совершившего страшный проступок и не знающего, куда спрятаться, поэтому те, кто вел последние бои, были настолько озлоблены, что готовы камнями и палками добивать врага.

В середине апреля советское командование срочно отозвало несколько сражающихся за Берлин воинских частей. Стало ясно, что сюда подоспели союзнические американские и английские войска.

Но, по мнению Кремля, Берлин должен быть взят не какой-то только что вступившей в войну страной, а вынесшими на своих плечах все тяготы этой войны советскими войсками. Однако и союзники предпочитали, чтобы их солдаты вошли в Берлин первыми, опередив армию Сталина. Надо было срочно что-то предпринимать, в противном случае может именно так и произойти, потому что немцы отдадут свой главный город скорее англичанам и американцам, чем русским. Советские военачальники, не желая уступать свою победу кому-то другому, пришли к решению окружить Берлин плотным кольцом войск.

Танковый полк Балкана был одним из отступивших от Берлина воинских подразделений. В тот же день они пошли в окружение Берлина и заняли указанное им место в 45 километрах позади города.

Местом, которое должен был занять батальон Балкана, оказался небольшой аккуратный немецкий городок, в который ни разу не попадал снаряд.

Война превратила этот городок в пристанище стариков и детей, женщин и девушек, забывших, какими бывают мужчины, и жаждущих их любви. Они со страхом и недоверием смотрели на солдат, пришедших сюда со своими танками. Они знали, как их собственные солдаты, когда топтали Россию, бесчинствовали там. Поэтому считали, что теперь русские солдаты непременно отомстят за поруганную землю свою, за бесчинства фашистов, и очень боялись этого.

По приказу командиров наши солдаты помнили о том, что, хотя жители городка и являются прямыми соотечественниками тех, кто топтал их землю и причинил народу невероятные страдания, их не было среди воевавших с русскими, поэтому старались вести себя с местными жителями вежливо, не проявляя к ним враждебности. Но раны были свежими, слишком свежими, чтобы можно было все забыть. Да, были среди советских солдат и те, кто, одурманив себя немецким шнапсом, начинали вспоминать своих загубленных войной близких, и тогда они хватались за оружие.

– Вот я вас, фашистов... Вас надо на корню истребить... Вам нет места на этой земле, ваше место – в могиле...

Поэтому командиры частей были вынуждены то и дело одергивать таких парней, напоминать им, что они не банда разбойников, а разумные советские воины, что они солдаты Победы, сумевшие пригнать немцев в Берлин и затолкать в их логово, что от немецких солдат они должны отличаться не просто мужеством и отвагой, но еще и настоящим человеколюбием.

В первые дни жители городка вели себя так, будто их выгнали из укромного места в лесу, где они прятались, привели сюда, поставили перед ними целый котел еды и сказали

“Ешьте!”, и теперь, когда все съедено, они не знали, что их ожидает, и со страхом думали, что будет с ними дальше. Эти люди переживали непонятные чувства, замешанные на страхе и сомнениях, ведь они были земляками тех извергов, которые истребляли русских на их земле.

Но человек всегда остается человеком, независимо от того, где он находится и в каком положении оказался, какую религию исповедует и на каком языке говорит. Всего, того, что присуще человеческой природе, не были лишены и эти люди.

Вскоре стало ясно, что солдаты потихоньку привыкают к окружающей их необычной тишине, порядку, к несколько виноватым, но вместе с тем и любопытным взглядам девушек и молодых женщин, к бушующей в природе весне. Теперь их сердца жаждали любви.

Воинам, столько лет шагавшим дорогами войны и забывшим, что такое женская ласка, собственно, у них и возможности помнить о ней не было, в эти дни немецкие женщины с их вздымающимися грудями и жадными взглядами напомнили о существовании любовных утех, которых они были лишены все эти годы.

Впервые Балкан увидел Берту на вечеринке, которую устроил его замполит капитан Астахов, она предназначалась для хорошего отдыха. Астахов как-то говорил ему о своем желании при первом же удобном случае устроить такие посиделки с выпивкой, ему даже удалось уговорить своего друга Балкана, обычно избегающего таких мероприятий, присоединиться к ним. Балкан тогда сказал ему: “Хорошо. Если мы будем устраивать застолье, то я еще раз обойду занятые нами посты, посмотрю, все ли там в порядке, а потом, уж коли так надо, приду”. Правда, при этом предупредил: “Только пусть там не будет лишних людей”.

Астахов устроил вечеринку в двухэтажном доме, перед которым был разбит цветник. По виду этого дома можно было сделать вывод, что человек, которому он принадлежал, когда-то жил здесь в свое удовольствие. Напитки и закуски уже заняли свое место на столе. А из кухни доносился запах чего-то вкусного, приготовленного на основе консервов.

Балкан не заставил себя ждать, пришел очень скоро. Войдя в дом, он остановился, пораженный видом трех очаровательных женщин в нарядных одеждах. На диване у противоположной от входа стены рядком сидели три красавицы, все они словно невесты были одеты в светлые платья. Конечно, Балкан сразу же сообразил, что это дело рук капитана Астахова. Капитан Астахов отличался не только остроумием и находчивостью, но и умением на самом высоком уровне организовывать подобные мероприятия. Войдя в гостиную, Балкан окинул взглядом собравшихся и по-командирски оценил здешнюю обстановку. Увидев его, сослуживцы вскочили с мест и, одергивая полы гимнастеров, по-военному встретили своего командира.

– Ого, что у вас тут происходит, ребята!

– Сердце жаждет веселья, товарищ комбат! – улыбаясь, ответил Астахов, после чего подмигнул стоящему рядом с ним невысокому крепышу капитану, словно спрашивая его: “Не правда ли?”. Капитан молча улыбнулся, а вместо ответа погладил усы, по-своему подтвердив слова Астахова.

– Товарищ капитан, так на чью свадьбу мы пришли? – этот вопрос Балкан задал, глядя в сторону молодоков.

Прежде чем ответить командиру, Астахов радостно засмеялся, потом сказал:

– Товарищ комбат, все ждут вас, проходите, садитесь за стол, ну а с женихом мы как-нибудь потом разберемся.

Когда Астахов, повернувшись к сидевшим на диване женщинам, повторил только что сказанные комбату слова на немецком языке, они восторженно заулыбались, и всем своим радостным видом подтвердили свое согласие с ним.

После этого все дружно перешли за накрытый стол и принялись за еду, женщины переговаривались друг с другом, улыбались мужчинам, перекидывались с ними нежными взглядами.

Прямо напротив Балкана расположились Астахов и высокая, худощаво-стройная, не уступавшая ему в остроумии, Луиза. Вытягивая свою длинную лебединую шею, Луиза повора-

чивалась то к одной, то к другой из своих подруг, которые были менее разговорчивы и сидели с видом загнанных в клетки птиц, что никак не соответствовало обстановке, а если и говорили что-то, то им казалось, что их все равно никто не слушает. Луиза всем своим видом подгоняла их: “Ну а вы что притихли, давайте, начинайте!”

После того, как несколько раз подняли бокалы с крепким немецким шнапсом “За Победу!”, “За наступившую буйную весну!”, “За девушек, по которым так сильно соскучились за четыре года!”, застолье, начавшееся так скучно и даже несколько формально, постепенно ожило, стало веселее. Взгляды затуманились, шума прибавилось. Теперь рядом с ним, рассыпав волосы по плечам, сидела средняя из трех девушек с дивана в нарядном белом, как у невесты, платье, ее любознательный взгляд то и дело останавливался то на одном, то на другом. Как только приступили к угощению, Астахов встал с места, взял эту необщительную девушку за руку и усадил рядом с ним. Балкан вначале думал, что его друг избрал эту девушку для себя.

Луиза с легкостью вспорхнула с места и завела стоявший на соседнем столике патефон, комната наполнилась звуками приятной музыки, чувствовалось, как тронула она сердца собравшихся, никого не оставила равнодушным. После этого кавалеры, с трудом подбирая немецкие слова, стали приглашать своих дам на танец. Еще через какое-то время собравшиеся поверили в то, что они находятся не в обычном доме, а, сидя на широком плоту и оторвавшись от берега, плывут в неизвестном направлении... В комнате, наполненной табачным дымом, девушки, волоча за собой полы просторных белых платьев, довольно улыбаясь, бросая на парней жаждающие взгляды и всем своим видом показывая, что их желания ничуть не меньше, чем у ребят, обнимая их за шеи, извивались в танце.

Положив голову на грудь Балкана и жадно вдыхая исходящий от него смешанный запах табака и пота, тот мужской запах, который не оставляет равнодушной ни одну женщину, Берта мечтательно двигалась в танце, обняв напарника, и сейчас была похожа на женщину, которая наконец-то встретила свою долгожданную любовь. Танцевавшие рядом с ней две другие девушки отпускали в ее адрес шпильки: “Не выпускай из рук капитана, как только ты отпустишь, его у тебя сразу же заберут, или ты уснула, девушка?”

Однажды во время танца Берта вдруг остановилась, приподнялась на цыпочках и спросила у Балкана:

– Ну и чего мы теперь боимся?

Балкан сразу понял, что хотела сказать девушка. Подняв на руки, он крепко прижал ее к груди и страстно поцеловал в губы.

* * *

По обыкновению Балкан проснулся рано утром. Берта еще сладко спала на просторной двуспальной постели, которую они так страстно утрамбовывали всю прошедшую ночь. В комнате стоял терпкий запах мужского и женского тел, ничем не уступавший цветочному, приятный запах мускуса висел в воздухе. Мускус появляется всегда, когда желания мужчины и женщины совпадают, когда они соединяются друг с другом, как мед и масло. Такая страсть исходит из тел только что нашедших друг друга женщины и мужчины приятный запах цветущего клевера. Но если брать в целом, то эти счастливые мгновения похожи на вспышку яркой радуги на небе после дождя, которая так же быстро и гаснет. Может поэтому опьяненные любовью и сами не замечают этого мгновения. Теперешний сон Берты был похож на сон пьяного от любви человека.

Одевшись, Балкан направился к выходу, мысленно разматывая клубок служебных забот. Перед дверью он остановился. Бросив короткий взгляд на Берту, подумал: “Как же она хорошо спит! Разбудить ее или не стоит?”

Рядом с Бертой лежало ее вчерашнее платье, просторное белое платье, оно было ей немного великовато, как все свадебные платья, которые, тем не менее, кажутся сшитыми по

фигуре. Платье лежало скомканным и было похоже на белую пену, выброшенную морской волной на берег.

Он вдруг вспомнил один шуточный рассказ, услышанный недавно от своего сослуживца туркмена, и подумал, что сейчас и сам он похож на того простодушного юношу, над которым потешались все вокруг. Это воспоминание вызвало у него улыбку.

В том рассказе говорилось об одном сельском парне, который после многих лет войны вернулся домой, а следующим утром, после ночи, проведенной с женой, он на полном серьезе стал ее благодарить: “Спасибо, Алтынджемал!” Да, это было уже время, когда воины, как и тот парень – герой юмористического рассказа, страстно мечтали попасть домой, встретиться со своими любимыми. Балкан потоптался немного у выхода, но потом, велев себе: “А ну давай, коли ты тоже не собираешься говорить спасибо, двигай отсюда!”, – решительно вышел из дома.

В штабе комбат принял рапорт младшего чином дежурного командира, сообщившего, что ночь в основном прошла спокойно. Как доложил дежурный командир, несколько воинов из второй роты провели шумную ночь с фрау-мадами, веселились с ними, громко смеялись, и это напомнило Балкану, как они стояли под Сталинградом, как разрывали утреннюю тишину доносящиеся с другого берега Волги веселые голоса девушек, проводших ночь с немецкими солдатами. И хотя он их тогда не видел, но по голосам отчетливо представлял, как они бегают по лесу по-двое,

по-трое, босые, с непокрытыми головами и в тонких платицах, вертят хвостами перед своими заморскими кобелями.

В голову Балкана вдруг пришла мысль, как эти события похожи между собой, он задумался: “Да, наверно, это и есть тот случай, когда мудрые туркмены говорят: “Сядешь на ту постель, которую сам же и расстелишь”...

Но сейчас здесь не было большинства из тех парней, которые стояли под Сталинградом, которые были готовы в любую минуту ринуться в атаку после приказа “Вперед!”, они полегли в разных уголках своей земли, навсегда ставших теми, кто так и не дошел до Берлина.

Никогда ему в голову не приходила мысль о том, что спустя несколько лет все может повториться с точностью до наоборот, когда на месте немецких воинов будут советские солдаты, а русских женщин им заменят немки.

Ознакомившись с общей обстановкой, Балкан не стал задерживаться в штабе, взял с собой Астахова, примчавшегося туда следом за ним, и отправился к занятым танками позициям. Танковая часть стояла на окраине города, боевые машины были спрятаны в небольшом лесочке.

Дойдя до позиции, Балкан выслушал рапорт выскочившего ему навстречу старшего лейтенанта второй роты. Это был приземистый, квадратный человек с покрасневшими глазами и желтой кожей. Здесь положение было неплохим. Воины ждали победы. По мнению танкистов, вырванных из боевых действий, Берлин уже должен был пасть на колени, время пришло. Война еще шла, но уже было ясно, что день ее окончания не за горами.

Балкан неторопливо беседовал у костра со знакомыми воинами 1-й роты, которой командовал до того, как стал комбатом. Говорили о том, о сем, и как-то незаметно темой разговора опять стала победа, которая почему-то задерживалась. Старший лейтенант из Воронежа, бывший воронежский тракторист Евгений Новичихин, считавшийся самым старым солдатом батальона, почесывая только что тщательно выбритую щеку и всем своим видом показывая, что хочет что-то сказать, посмотрел на комбата:

– Товарищ комбат, что-то слишком тяжелой на подъем оказалась победа, о которой так много говорится. Парни генерала Чуйкова до сих пор месят грязь в предместьях Берлина, они, словно вхолостую работающие колеса машины, никак не могут сдвинуться с места!

– Всеми свое время. Потерпите немного!– успокаивающим тоном произнес Балкан, хотя и сам был того же мнения, что и эти воины. Поэтому в голосе его прозвучали тревожные нотки, беспокойство о том, что победа все никак не дается.

– А может, им нужна наша, танкистов, помощь?– включился в разговор и Саша Лисняк, который до сих пор стоял, прислонившись к дереву и молчал, скрестив руки на груди. Как у всех школьных учителей, его вопрошающие глаза излучали доброту.

– Если будет надо, позовут,– коротко ответил ему Балкан, а потом добавил: – Ай, вряд ли мы теперь там очень-то и нужны будем,– тем самым дав понять, что верит в недалекую победу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.